

УДК 33

ПЯТЬ «ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЧУДЕС» ЮЖНОЙ КОРЕИ

Шаймерденова Алина

kirie-shka@mail.ru

Студент кафедры Востоковедения факультета международных отношений

ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Нур-Султан, Казахстан

Научный руководитель - к.и.н., доцент К.М. Ильясова

Введение. В контексте оживившихся в последние годы дебатов о необходимости и путях модернизации экономики и инновационном развитии казахстанского общества особое внимание в экспертных сообществах стало уделяться так называемому азиатскому экономическому чуду. Высокие темпы экономического роста, быстрое и масштабное обновление технологий и инфраструктуры, отличающие на рубеже XX–XXI вв. азиатских «тигров» и «драконов» — Сингапур, Тайвань, Гонконг, Китай и Южную Корею, привлекают внимание многих экспертов, стремящихся раскрыть секрет успешного социально-экономического развития и найти образцы для подражания.

Особенно впечатляющим, даже на фоне остальных «тигров» и «драконов», выглядит «корейское чудо». Будучи полвека назад бедной аграрной страной с показателем ВВП на душу населения в 70 долларов (1960), не имея больших запасов минерального сырья и не занимая выгодного положения на торговых путях, Южная Корея достигла уровня подушевого ВВП в 1600 долларов уже в 1980 г. и затем стремительно продвинулась в число двадцати самых развитых стран, достигнув уровня 10000 долларов в 1995 и уровня 20000 долларов в 2005 гг. При этом экономика Южной Кореи диверсифицирована, в ее экспорте велика доля высокотехнологичной продукции, а по объему экспорта продукции на базе информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) она входит в пятерку мировых лидеров (Цветкова 2012). Страна успешно реализует масштабные проекты по развитию информационно-коммуникационных технологий и находится среди мировых лидеров по количеству интернет пользователей (82 на 100 жителей), по уровню доступа к широкополосному Интернету и по интенсивности развития технологий мобильной связи.

Такой феноменальный экономический прогресс и переход Южной Кореи из состояния экономически отсталого аграрного и к тому же разрушенного войной общества через

интенсивную и во многом принудительную индустриализацию к развитому постиндустриальному обществу выглядит идеальным примером, подтверждающим положения классической теории модернизации (Rostow 1960; Levy 1966). В 1960-х гг. опиравшееся на военных правительство президента Пак Чон Хи провозгласило программу «модернизации родины» (Хан Ёнью 2010) и практически навязало обществу новые институты западного типа, которые активизировали экономическую деятельность и вытесняли традиционные социальные структуры и культурные паттерны.

Актуальность данной статьи в необходимости наглядно взглянуть на траекторию пути экономических изменений южнокорейского общества, опираясь на которые, многие ещё развивающиеся страны, в том числе Республика Казахстан, смогут подчеркнуть какие-либо стратегии или тенденции для своего дальнейшего развития.

В развитии южнокорейской экономики можно идентифицировать пять последовательных фаз, каждая из которых характеризуется специфическим технологическим и институциональным режимом.

(1) Главной тенденцией в 1960-х гг. стал рост ориентированных на экспорт отраслей легкой промышленности (текстиль, обувь и т. п.), активно стимулируемых и регулируемых меркантилистской политикой государства. Именно в этот период в Южной Корее началось так называемое экономическое чудо. Средние темпы роста ВВП составили в 1963–1966 гг. 7,8 %, а в 1967–1971 — 10,5%, а прирост экспорта в 1967–1971 гг. составил 33,7 %; ВВП на душу населения вырос с 87 долларов в 1962 г. до 293 в 1972 г.; безработица снизилась с 8,3 % в 1963 г. до 4,5 % в 1971 г. Феноменальные показатели экономического роста обуславливались высокой конкурентоспособностью корейских товаров, продвигаемых на внешних рынках, в первую очередь японском.

Конкурентоспособность корейского экспорта опиралась на целенаправленно поддерживаемый низкий уровень издержек производства. Использование дешевой рабочей силы на создаваемых промышленных предприятиях обеспечивалось установленными государством низкими ценами на главный продукт питания - рис. Политика низких цен на продукцию сельского хозяйства позволяла удерживать низкий уровень оплаты труда на фабриках и одновременно вынуждала массы разорявшихся крестьян уходить из села в город и пополнять ряды неквалифицированной рабочей силы. Одновременному ограничению роста потребления внутри страны и повышению конкурентоспособности промышленности на внешних рынках способствовали также осуществленные правительством девальвация национальной валюты - воны, введение высоких пошлин и прямых запретов на импорт многих товаров и при этом либерализация импорта полуфабрикатов для развиваемых производств. Вершиной системы мер по развитию экспортных производств стало сочетание прямой поддержки и контроля фабрик высшими государственными чиновниками.

Правительство перенаправило внешнеэкономическую помощь и кредиты с социальных программ на закупку необходимых для развиваемой легкой промышленности сырья и оборудования. Был создан Комитет экономического планирования, составлявший и доводивший до предприятий пятилетние планы экономического развития. Бизнеспланы владельцев предприятий напрямую диктовались на ежемесячных совещаниях по экспорту, проходивших под председательством президента - диктатора Пак Чон Хи.

(2) В 1970-х гг. режим экономического роста изменился: произошел поворот к развитию тяжелой промышленности (черная металлургия, кораблестроение, нефтехимия, автомобилестроение и т. д.) силами так называемых чеболов - вертикально и горизонтально интегрированных и диверсифицированных промышленных групп, находящихся в собственности семейных кланов, управляемых на основе родственных и земляческих связей и зависимых от отношений с правящей элитой. На долю полусотни чеболов приходилось около половины производимого ВВП. При этом 7 из 10 крупнейших чеболов принадлежали

выходцам из провинции Ённам, откуда родом были многие высшие чиновники государства, в том числе и президент Пак Чон Хи. Связи в духе неофамилизма с государственной бюрократией открывали чеболам доступ к льготным кредитам и к прямому субсидированию экспорта, делали чеболы для государства эффективным инструментом проведения экономической и социальной политики и способствовали институционализированной коррупции, когда режим благоприятствования чеболам предоставлялся в обмен на лояльность и пожертвования в партийные фонды и на социальные проекты правительства. В 1970-х гг. темпы роста ВВП оставались очень высокими и составляли в среднем 10 % в год. Именно в этот период структура южнокорейской экономики приобрела вид, характерный для развитого индустриального общества: доля промышленного производства в национальном продукте превысила долю сельскохозяйственного производства.

(3) В 1980-х гг. произошел новый поворот траектории экономического развития, обусловленный быстрым ростом экспортно ориентированных производств в области высоких технологий (микроэлектроника, бытовая электроника) и формированием системы трудовых отношений на базе альянса национального капитала, государства и официальных профсоюзов. Лояльность к курсу догоняющей модернизации, требующей удержания низкой стоимости трудовых ресурсов, достигалась гарантиями пожизненного найма для готового к полной самоотдаче большинства работников и репрессиями против рабочих активистов. Институционализация авторитарно корпоративной системы трудовых отношений привела к тому, что сформировавшийся в среде чеболов и правительственных учреждений неофамилизм в рекрутировании и карьерном продвижении укоренился во всех отраслях экономики (На 2007). Эффективность авторитарно-корпоративной системы трудовых отношений в сдерживании требований повышения зарплат и улучшения условий труда подтверждается статистическими данными о трудовых спорах: в 1986 г. было зафиксировано 276 таких споров, а в 1987 г., когда был свергнут режим военной диктатуры Чон Ду Хвана и восстановлены элементарные гражданские свободы, трудовых споров было уже 3749. Развитие новых, высокотехнологичных отраслей происходило внутри структур крупнейших промышленных конгломератов, что привело к еще большему усилению их позиций в экономике. Сверхконцентрация и монополизм в южнокорейской экономике достигли беспрецедентных масштабов. Доля 10 крупнейших компаний в ВВП за десятилетие выросла с 33 % (1979) до 54 % (1989) (Хан Ёнью 2010). Южнокорейская система монополизма и протекционизма конкуренцию на внутреннем рынке допускала только под внешним давлением. Так, торговые споры с США из-за демпинговых цен на корейскую бытовую электронику и таможенных барьеров для американских продуктов привели к ослаблению барьеров для импорта сельскохозяйственной продукции, и показатель самообеспечения зерном снизился с 86 % в 1970 г. до 48,4 % в 1985 г. (Хан Ёнью 2010).

(4) В 1990-х гг. траектория поздней индустриализации в Южной Корее резко сменилась траекторией роста «новой экономики», движимой высокотехнологичным производством полупроводников, телекоммуникационного оборудования и т. п., а также либерализацией финансовых рынков, рынка труда и глобализацией корейских компаний. Решающим событием этого периода стал кризис 1997 г., который привел к первому после начала индустриализации падению производства, оцениваемому в 5–7 % к банкротству многих крупных корпораций, включая компанию Daewoo, к росту уровня безработицы с 2–2,5 % (1994–1997) до 7 % (1998) (Kim, Park 2006). Кризис вынудил от выдвинутых президентом Ким Ён Самом проектов постепенной глобализации прежде «закрытой» корейской экономики перейти к неолиберальной политике, которую на условиях предоставления кредитов Международным валютным фондом проводил новый президент Ким Дэ Чжун, осуществивший реструктуризацию экономики. Уменьшилось государственное регулирование, была осуществлена либерализация внешней торговли и финансового рынка, проведена приватизация госкорпораций, были реформированы чеболы, чья инвестиционная экспансия повлекла гигантскую задолженность по кредитам и спровоцировала финансовый

крах в 1997 г. Из 30 крупнейших чеболов исчезли 11, остальные утратили прежнюю «осьминожью» структуру, которая позволяла головной компании полностью контролировать функционирование сети дочерних и аффилированных предприятий (Хан Ёнью 2010). Созданию более конкурентных и ориентированных на интересы потребителей рынков способствовал и демонтаж системы протекционизма: если в 1980 г. 30 % товарных категорий имели ограничения на импорт и таможенные тарифы находились на уровне 25 %, то в 2000 г. эти показатели составили, соответственно, 0,1 % и 8 %.

Демонтаж структур, лежавших в основе «экономического чуда», последовал за замедлением среднегодовых темпов роста ВВП с 8–10 % в 1970–1980-х гг. до 5,5 % в 1990-х (Хан Ёнью 2010). Несмотря на успешную экспансию на внешних рынках, корейские производители высокотехнологичной продукции занимали подчиненное положение в глобальных сетевых структурах - цепях поставок, максимальную выгоду в которых получают обладатели прав на патенты и бренды. Например, в 1989 г. корейские фирмы выплатили 1,2 млрд. долларов правообладателям за использование запатентованных технологий. В 1990-х гг. государством и частным бизнесом были осуществлены масштабные инвестиции в НИОКР, чтобы перейти от так называемого обратного инжиниринга, когда разбирались и детально копировались изделия мировых технологических лидеров, к созданию собственных инновационных технологий. С этой же целью были созданы сети, объединившие исследовательские центры в Корее и за рубежом под эгидой таких компаний, как Samsung. Формирование структур «новой экономики» привело к реструктуризации рынка труда. Рост зарплат, улучшение условий труда на новых производствах по стандартам транснациональных компаний сопровождалось уменьшением конфликтности трудовых отношений и снижением членства в профсоюзах. Одновременно рабочие места в традиционном индустриальном секторе, утратившем привлекательность для южнокорейских работников, стали заполняться гастарбайтерами, число которых выросло с 50000 (1991) до 250000 (1997)

(5) В 2000-х гг. в Южной Корее сформировалось постиндустриальное общество, в котором режим экономического роста кардинально отличается от режима догоняющей модернизации. С достижением в сере дине десятилетия уровня ВВП свыше 20000 долларов на душу населения, переходом с шестидневной на пятидневную рабочую неделю в 2004 г. и ростом потребительских кредитов южнокорейская экономика утратила ключевой фактор развития по модернизационному типу - низкие издержки на человеческий капитал в трудоемких производствах. А возросшая конкуренция со стороны Китая создала угрозу потери лидирующих позиций в экспорте традиционной промышленной продукции. Конкурентные преимущества южнокорейской экономики теперь связаны с экспортом культуры, ярким примером чего стал феномен Ханрюю («корейской волны») - распространения в азиатских странах коммерческой продукции корейской поп-культуры: кинофильмов, «мыльных опер», музыкального видео, анимации, компьютерных игр и т. д.

Внутреннее потребление символической или виртуальной продукции также способствует экономическому росту, условием для которого становится реализация масштабных проектов опережающего развития цифровой инфраструктуры коммуникаций и коммерции. Реконфигурация экономических структур продолжается под воздействием пересекающих границы национальной экономики материальных и символических потоков. Культурный экспорт дополняется исходящими потоками технологий, организационных решений, брендов, например, при создании сборочных производств в Азии или Восточной Европе. При этом происходит и отток культурного капитала: число эмигрирующих высококвалифицированных работников, например, компьютерщиков, финансистов, ученых, удвоилось в 2000-х гг. по сравнению с серединой 1990-х.

Входящие потоки образуются импортом потребительских товаров престижных японских, европейских и американских брендов, а также притоком дешевой рабочей силы, в основном, для производства аналогичных потребительских товаров на предприятиях легкой

промышленности и для работы на вредных и опасных производствах в тяжелой промышленности. К 2005 г. в Южной Корее трудилось около 350000 рабочих из Китая, Вьетнама, Филиппин, Бангладеш.

Закключение: Прделанный анализ тенденций социальных изменений в Южной Корее приводит к заключению, что необходимо отчетливо видеть резкие смены траекторий и контрасты между различными фазами трансформации структур южнокорейского общества за последние полстолетия. «Корейское чудо» 1960–1980-х гг. может служить впечатляющим историческим уроком, но этим опытом невозможно воспользоваться в сегодняшнем Казахстане. Лежавшие в основе того «чуда» ресурсы догоняющей модернизации (дешевая рабочая сила из деревень, сдерживание потребления ради инвестиций в промышленное производство, меркантилистская внешнеторговая политика и жесткий государственный контроль над ключевыми предприятиями) были теми же, что использовались и в СССР и были исчерпаны уже к концу 1950-х гг. Обращение же к современному опыту Южной Кореи свидетельствует, что сегодня о новых траекториях развития нужно вести речь не в историческом контексте индустриализации и не в терминах соответствующей этой фазе концепции модернизации, а в контексте глобализации и виртуализации и с применением адекватных этим тенденциям теоретических моделей.

Список использованных источников:

1. Абдурасулова Дж. Республика Корея: промышленная политика в условиях глобализации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. No 5. Александров Ю.Г. Может ли Россия стать «евроазиатским тигром».
2. востоковедения РАН, 2007.
3. Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
4. Иванов Д.В. Глэм-капитализм и социальные науки // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2007. Т. X. No 2.
5. Коргун И.А. Политика поддержки промышленного экспорта в Республике Корея // *Вестник СПбГУ*. 2007. Сер. 5. Вып. 4.
6. Саблин К.С. Новая индустриализация российской экономики в контексте создания институтов развития // *Журнал экономической теории*. 2010. No 4. Хан Ёнью. История Кореи: новый взгляд. М.: Восточная литература, 2010. Цветкова Н.Н. Развитие информационно-коммуникационных технологий
7. и афро-азиатские страны // *Восток (Oriens)*. 2012. No 1.
8. Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity* / Ed. by M. Featherstone. London: Sage Publications, 1990.
9. Castells M. *The Rise of Network Society*. Oxford: Blackwell, 1996.
10. Cha S.-H. Korean Civil Religion and Modernity // *Social Compass*. 2000. Vol. 47. No 4.
11. Cha V.D. South Korea in 2004: Peninsular Flux // *Asian Survey*. 2005. Vol. 45. No 1.